

**ГУМАНИТАРНАЯ
ХРОНИКА**

О ПРОРОКАХ И ЖЕРТВАХ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

В июне 2017 года в Москве на факультете гуманитарных наук (Школа философии — НИУ ВШЭ) состоялась Международная конференция “Философия и литература: русская трагедия в оптике юбилея 2017 года”.

Конференция проходила в необычном формате: четыре сессии, тематически связанные с осмыслением писателями времени предчувствий революционных лет и пророчеств грядущей социальной катастрофы; восприятием русской трагедии современниками; советской и постсоветской рефлексией на свершившуюся революцию. Оптика столетнего юбилея Октябрьской революции 1917 года позволила участникам конференции объединить в единое дискуссионное пространство самые разные имена — от Тургенева, Достоевского и Толстого до Солженицына и Шаламова, а также погрузиться в многообразие взглядов, позиций, оценок. Дискуссия обострила и углубила разговор о пророках и жертвах революции. Дифференциации писателей на призывающих к революции и предостерегающих от нее не прозвучало; участники дискуссии в большей степени стремились выявить механизмы переключения гражданских мотивов, столь характерных для отечественной литературы, в русло идеологической борьбы; выступавшие затрагивали также проблемы вины, ответственности и судьбы, моральным грузом лежащие на русской интеллигенции, анализировали воздействие русской критической мысли на общественное сознание.

Первая сессия “Предчувствия и пророчества” открылась докладом **А. Кара-Мурзы** (ИФ РАН, Москва) “Иван Сергеевич Тургенев: парижско-дижонское пророчество 1857 г.”. Подробный контекст-

туальный анализ автобиографического эпизода — пребывания Тургенева и Толстого в Дижоне, а также анализ тургеневского очерка “Второй день. Поездка в Полесье” — позволил автору представить Тургенева как “теневого лидера оппозиции”, как “пророка, которого ждала Россия”. Специфика авторского подхода была определена таким направлением, как интеллектуальное краеведение, позволяющее воспроизвести контекст погружения в идейное пространство смыслов.

Доклады **Ю. Прокопчука** (Государственный музей им. Л.Н. Толстого, Москва) и **В. Паперного** (the University of Haifa, Israel) были посвящены Л.Н. Толстому как “пророку” революции. Глубина и убедительность анализа поздней публицистики и дневников Толстого позволили авторам избежать стереотипного восприятия писателя как анархического пророка, призывавшего к революции. С точки зрения Прокопчука, Толстой — это пророк, скорее предостерегающий русское общество от волны тотального насилия, указывающий на нравственное разложение государственных институтов, призывающий к внутренней, духовной революции. Докладчик опроверг расхожие стереотипы восприятия великого гуманиста как “зеркала русской революции” (Ленин) и как “антихриста”, вызвавшего к жизни “духов русской революции” (Бердяев). Прокопчук выделил великую миссию, выполнявшуюся Толстым, мало услы-

шанную даже сегодня, направленную на предотвращение страданий и смертей многих миллионов людей. Ленинский ярлык был опровергнут идеей субъективной природы “революции”: спасение не в социальной сфере, но в области сознания, в человеческой позиции каждого. Толстой предвидел многочисленные ужасные последствия военно-технического прогресса, на которые другие авторы обращали так мало внимания в начале XX века. Именно этим объясняется воинствующий антипрогрессизм Толстого, который зиждется на взгляде не в прошлое, но в наше безрадостное будущее.

Аналитической доминантой в рассуждениях В. Паперного о Толстом и революции стала иная мысль об антиномичности мышления писателя, о его двойственном отношении к революции. Толстовская философия “неделания”, невмешательства, “политической незамешанности”, при глубочайшем осознании безумия и зверства грядущей революции, сочетается с активным гражданским вмешательством, открытыми антиправительственными выпадами. Объясняя природу столь противоречивой толстовской позиции, Паперный называет состояние раздвоенности “интеллектуальным самопожертвованием”. Для Толстого революция — процесс непрерывный, она продолжится и тогда, когда “вымрут и баре, и революционеры”. Спасать надо не Россию, но единичную душу, которая есть единственная опора для спасения всех. Обличая, Толстой предостерегает; его пророчества, подобно прозрениям Достоевского, носят библейский, а не узкополитический характер.

Другой важной пророческой ветвью оказывается фигура Ф.М. Достоевского. Его идеи были представлены в докладе **Сюзан Макролондс** (Northwestern University, USA) “От художественного к национальному мессианизму: роль идеализма в философии

истории Достоевского”. Исследовательница обнажила истоки трагедии XX века в пророчествах и идеализме века XVIII — в так называемой “эпохе Просвещения”. Она сопоставила письма Фонвизина и знаменитую работу Достоевского “Зимние заметки о летних впечатлениях”, показывая схожие принципы диалектики Просвещения у двух эпохально различных авторов. Макролондс также указала на единство идей русской и Франкфуртской школ, доказав, что идея франкфуртцев о том, что западный модерн стал причиной тоталитаризма, впервые появилась в России, в указанных сочинениях, к несчастью, практически неизвестных западным читателям. Сочинения Фонвизина и Достоевского показывают: то, что названо на Западе прогрессом, в действительности есть лишь регресс и варварство. Далее докладчица обнажила глубинную связь художественных идей Достоевского с кантианским идеализмом, показав, как философский идеализм писатель переводит в социальный контекст, пытаясь на его основе отметить особую внеисторическую миссионерскую суть русского народа.

В докладе **М. Вайскопфа** (the Hebrew University of Jerusalem, Israel) «Трансформация “официальной народности” и русского национализма в большевистской пропаганде революционных и пореволюционных лет» выявляется историческая траектория, транслирующая известную триаду николаевского министра народного просвещения Уварова — “самодержавие — православие — народность” в большевистскую парадигму, что стало свидетельством переимчивости “официальной народности” политической пропагандой революционных и пореволюционных лет. Докладчик обосновал идею соединения уваровских заветов с ленинским космополитизмом.

Вторая сессия “Писатели и революция” началась с доклада

Л. Сараскиной (Государственный институт искусствознания, Москва) “Историософский образ XX века в творчестве А.И. Солженицына”. Автор акцентирует внимание на главной теме творчества писателя — сопоставлении двух исторических эпох — XIX и XX веков и определении сущности “разлома”, отсутствия какой бы то ни было преемственности между ними. “Наивная риторика XIX века”, “мнимые ужасы” “Мертвого дома” Ф.М. Достоевского сменились ужасом реальным, “адом” века XX. По мнению автора, разница — не в количестве жертв, а в “мере внутренних страданий”, в несопоставимости трагизма. Гибель народа — в его безбожии, в потере нравственных основ, начавшейся уже в XIX веке. Невосполнимые нравственные потери — суть “концепции бездны” Солженицына, отделяющей Россию XIX века от России новейшей истории. По мнению Сараскиной, писатель надеялся лишь на правдивое переосмысление исторического процесса, доступное свободному литературному творчеству.

В докладе **Е. Толстой** (the Hebrew University of Jerusalem, Israel) “Бячеслав Иванов и публицистика Алексея Толстого революционных лет” сопоставляется творчество двух писателей: Вяч. Иванова, пишущего для избранных, и А. Толстого, пишущего для массы. Однако в 1918 году “комплексы” Иванова появляются и у Толстого; оба наталкиваются на “порог” всенародного духовного перерождения, обновления массы. По мнению обоих, самоопределение народа должно быть религиозным, но религиозное сознание оказалось невозможным при тотальном обезличивании человека. Идея реанимации любви к человеку в толстовском творчестве (“Не я, но ты”) восходит, по мнению автора, к “ты еси” Вяч. Иванова. А. Толстой, проявляя лояльность к новой власти, тем не менее “дружил” со всеми, выполняя посредническую функ-

цию и надеясь на преодоление разлада личности и массы.

В докладе **В. Кантора** (НИУ ВШЭ, Москва) “А.Ф. Керенский как фантом трагедии 1917 года в зеркале русской литературы (Степун, Бабель, Мандельштам, Маяковский)” развивается мысль о том, что трагедия революционных преобразований начинается без революционеров, но не без помощи “фантомов” — фигур демонических и мифологизированных уже при жизни. Одним из них был А.Ф. Керенский, воспринимаемый частью русской творческой интеллигенции как спаситель, как новый самодержец и преобразователь государственной системы. Рассматривая фигуру Керенского сквозь призму мифологических клише, Кантор воссоздает “карнавальную” атмосферу революционного 1917 года.

Размышления **С. Неретиной** (ИФ РАН, Москва) о революции в докладе “Революция: мир сначала” фокусируются вокруг трагической судьбы О.Э. Мандельштама. Материалом анализа стала проза поэта, воспринимаемая автором как философский дискурс, позволяющий думать о природе слова на стыке времен. Словесная революция, по мнению Неретиной, началась с нигилизма разночинцев, которым удалось “подмять” бытие “книжностью”, превратить книгу в вещь. Разночине — разный говор революции. Мандельштам, считавший, что “по речи человеку быть”, был наделен провидческим (позитическим) даром прозрения “конца”, когда “ничто” превращается в “ничто”, в пустоту; когда в “пустотном жерле” революции отнимается биография, живая речь подменяется придуманным языком; когда начинается речевое безумие и метафора технологически “вздыбливает” нормы, превращаясь в понятие. В провале революционных преобразований нет лица, нет головы, но есть тело толпы, сила которой в “немощи ее слов”.

Русская трагедия, с точки зрения **Т. Злотниковой** (Ярославский

государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, Ярославль), — ментальное состояние, инвариантом которого является русский абсурд или “перевернутый мир” (Н. Бердяев), формируемый целым рядом комплексов. Главный из них — нелюбовь к самим себе, времени и пространству. Объектом абсурдистского дискурса часто становится русская классика, трагифарсовое обыгрывание имен известных литераторов или их героев. Русский абсурд, по мысли автора, явление постоянное, но активизирующееся в периоды революционных взрывов; русский абсурд предвосхищает или сопровождает психологический дискомфорт, деструктивность, аморальность революционности, в которой доминируют две тьмы: тьма власти и власть тьмы. Лишенные языка литераторы в этом состоянии уходят в подполье, в “голоса” героев.

В третьей сессии — “Русская трагедия” — выступили: **С. Никольский** (ИФ РАН, Москва) с докладом “Октябрь в восприятии современников — поэтов и писателей”, **Н. Касавина** (ИФ РАН, Москва) с докладом “Революция как иллюзия свободы (Лев Шестов о большевизме)”, **А. Майданский** (НИУ “БелГУ”, Белгород) с докладом “Каинов путь к свободе: Волошин, Лившиц и Ильенков о русской революции”. С. Никольский убежден, что именно русская литература предреволюционных и революционных лет представляет возможность типологизировать исторические явления с разных позиций — экономической, гражданской, психологической, социологической. Анализ рассказа А.П. Чехова “Новая дача” стал подтверждением позиции докладчика. Выступление Н. Касавиной “Революция как иллюзия свободы” было посвящено размышлениям Л. Шестова о большевизме, вpletенным исследовательницей в более широкий интеллектуальный контекст идей В. Гиляровского, Н. Бердяева,

П. Сорокина. Было показано, как фактология, предложенная Гиляровским, опровергает мифы Шестова и Бердяева о безопасности царской России, о том, как задолго до советской власти формировался особый мир уголовных преступников, противопоставляемый миру политических оппозиционеров. В докладе А. Майданского рассматриваются три взгляда на революцию — поэта М. Волошина и советских философов М. Лившица и Э. Ильенкова, которые трактуются автором и как этапы (20, 30, 60-е годы) в осмыслении революционного переворота. Первообразом в восприятии пролетарской революции Волошиным становится библейский Каин (поэма “Путями Каина”), который рассматривается и как прообраз всех мятежников, бунтовщиков. Пролетарий, подобно первому бунтарю и мятежнику Каину, бросает очередной вызов Богу и творит новый мир через новое братоубийство. Однако на революции лежит Каиново проклятье: творец революции неминуемо становится его жертвой. Весь выигрыш от революции достается Левиафану — государству. Коммунисты Лившиц и Ильенков в ином свете видели русскую революцию и будущее человечества. Однако, по мысли автора, все трое стоят на общей почве: человеческая личность есть наивысшая ценность; смысл истории — в творческом саморазвитии человека. Все трое видят в государстве древнюю машину отчуждения, угнетения личности и ищут способ вернуть человеку “бразды управления машинным миром” (Ильенков). По силам ли человеку превратить государственную машину в служанку человеческой личности? Лившиц и Ильенков считают, что революция социальная должна увенчаться революцией культурной. Автор доклада полагает, что поэт Волошин почувствовал исход революции раньше и лучше, чем его поняли философы.

И. Салманова
О пророках
и жертвах
русской
революции

Четвертая сессия прошла под знаком личности и творчества В. Шаламова, его “Колымских рассказов”, ставших эпохальным документом. Шаламову были посвящены два доклада: “По ту сторону человеческого” **В. Поруса**¹ (НИУ ВШЭ, Москва) и “Философская проза Варлама Шаламова”

В. Римского (Белгородский государственный институт искусств и культуры, Белгород). С точки зрения Поруса, Колыма и кантовский категорический императив несовместимы. Если у героев Достоевского есть поводырь — Христос, то совесть героев Шаламова бездонна. Центральный вопрос доклада: возможно ли быть в лагерьном “аду” и остаться человеком, ведь “колымский ад” — дело рук человеческих, и что есть человек в условиях этого “ада”? Анализируя прозу Шаламова, исследователь через отрицание всего человеческого в человеке выходит на понятия духа и души у убиваемого, на “величие выживания души”. В. Римский выделяет основные критерии, по которым проза Шаламова прочитывается как философская. Материалом для рассуждений становится переписка Шаламова с Б. Пастернаком и Ю. Шрейдером. С точки зрения докладчика, главной философской темой писателя становится насилие, а также возможность или невозможность его преодоления.

В четвертой сессии прозвучали доклады: “Рязань-Яблоко: пост-революционная оптика Бориса Пильняка” **А. Соловьева** (Рязанский госуниверситет им. С.А. Есенина, Рязань); «Роман Е. Замятина “Мы”: о v-1 следует молчать» **А. Винкельман** (НИУ ВШЭ, Москва); “Революция мало чему научила”: историческая ситуация 90-х в герменевтике Владимира Бибикина” **И. Павлова** (НИУ ВШЭ, Москва). В докладе А. Соловьева описывается философская и художественная позиция Бориса Пильняка, который дал не просто зарисовки-впечатления о произошедшей революции, но осуществил творческое “смещение планов” с личностного на массовый. Революция у Пильняка — это бунт с большой буквы, последствия которого со всем свойственным Пильняку орнаментализмом описываются в одном из ключевых романов автора “Голый год” (1922). Особое внимание было уделено малоизвестной повести “Рязань-Яблоко”, которая не публиковалась ни в советской, ни в постсоветской России, за исключением отрывков и переложений в виде небольших отдельных рассказов, а также эпизодов романа “Машины и волки”. Задолго до прозы Шаламова, опережая Платонова, Пильняк ввел тему “ада” в нашу литературу, сопрягая его с дорогой смерти, пройденной русскими людьми в России в XX веке.

В докладе магистранта Школы философии И. Павлова была проанализирована амбивалентная позиция В. Бибикина по отношению к современным ему постсоветским событиям. Докладчик подчеркнул, что Бибихин указывал на важность “нашей последней революции” и одновременно критиковал рост политического активизма перестройки. Сама по себе смена режимов в России была для философа лишь проявлением не революции, но ее онтологического депотизма. В то же время он считал, что события перестройки и “лихих 90-х” могут оказаться продуктивным стимулом для дальнейшего развития русской философии.

Столетний юбилей Октябрьской революции 1917 года стал поводом для плодотворной дискуссии современных философов и филологов об историческом прошлом, остающемся актуальным и в настоящем.

© 2017 И.Ф. САЛМАНОВА,
кандидат филологических наук,
Белгородский государственный
институт культуры и искусств

¹ Расширенный вариант доклада В.Н. Поруса в качестве журнальной статьи была опубликован в журнале “Человек” (2017. № 5).